

Осёл увидел Соловья
 И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
 Ты, сказывают, петь великий мастерище.
 Хотел бы очень я
 Сам посудить, твоё услышав пенье,
 Велико ль подлинно твоё уменье?»

Тут Соловей являть своё искусство стал:
 Защёлкал, засвистал
 На тысячу ладов, тянул, переливался;
 То нежно он ослабевал
 И томной вдалеке свирелью отдавался,
 То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
 Внимало всё тогда любимцу и певцу Авроры:*
 Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
 И прилегли стада.

Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
 И только иногда,
 Внимая Соловью, пастушке улыбался.

Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:
 «Изрядно,— говорит,— сказать неложно,
 Тебя без скуки слушать можно;
 А жаль, что незнаком ты с нашим петухом;
 Ещё б ты боле навострился,

Когда бы у него немножко поучился».

Услыша суд такой,- мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави, Бог, и нас от таких судей.